

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/4878225>

Холодный бог рептилоидов

Направленность: Джен

Автор: [Shadowdancerrr](https://ficbook.net/authors/1805299) (<https://ficbook.net/authors/1805299>)

Фэндом: Ориджиалы

Рейтинг: PG-13

Жанры: Драма, Фантастика, Детектив, Антиутопия

Предупреждения: Смерть второстепенного персонажа, Элементы гета

Размер: Миди, 32 страницы

Кол-во частей: 14

Статус: закончен

Описание:

Попробуем поговорить о прогрессорстве, зелёных человечках и сопутствующих рисках. Действие происходит на другой планете. Главные герои — земляне, наблюдающие за развитием другой расы. Да и не только наблюдающие...

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

ТОС

ТОС	2
С чего начинаются истории	3
Никто не любит перемен	5
Дедуктивный метод	10
Мертвецы говорят — 1	13
На Луне жил звездочёт	15
Мертвецы говорят — 2	19
Хороший, плохой, злой, рептилоид	21
Мертвецы говорят — 3	24
Свободное падение	26
Разговор с богом	31
Искушение змеи	33
Чем всё заканчивается	36
Холодный бог рептилоидов	37
Шор	38

С чего начинаются истории

Все истории начинаются по-разному.

Это может быть каменный пол в здании с низкими потолками и без окон. Лампы дневного света освещают украшенные рисунками стены. Раньше было некогда, а теперь уж поздно любоваться переплетением зелёных тел, покрывающих шлифованный камень. История только начинается, но уже пора умирать. У пистолета настолько сильная отдача, что после двух метких выстрелов рука начинает дрожать. Пау-пау-пау — остальные пули уходят в «молоко».

Тёмные хвостатые фигуры врываются в зал. Трещат автоматы. Сильный удар в грудь, пол уходит из-под ног. Боли нет, совсем нет. Лампы бьют в глаза, однако вокруг становится всё темнее. Руки немеют. Последнее, что регистрирует сетчатка глаза — склонившиеся над телом гигантские рептилии. Холодно. Очень холодно...

Всё.

Так начинается эта история. Хотя можно иначе.

Можно подняться по реке времени к ароматическим свечам, которые не столько светят, сколько дурманят голову. Дрессированные жуки-светлячки ползают по потолку бунгало; тени танцуют по стенам. Жарко. Недопитые коктейли нагреваются, по стеклу текут слёзы конденсата. Тут относительно высокие потолки — дань моде, которую осторожно прививают аборигенам. Когда они повзрослеют, им будет легче привыкнуть к межзвёздным стандартам.

Капли пота на спинах. Воздухом невозможно надышаться. Да, пожалуй, тишина после секса, — лучший способ начать любую историю. Не с перестрелки, и, тем более, не с тысячи слов. Опустим слова, какими бы громкими они не были. Только поцелуй и глубокая, усталая тишина.

Тишина крайне важна — вовремя опрокинутая на двоих, связанных липким пластырем простыни, она изящно завершает шахматные партии отношений. Тихо. Только молот колотит в грудную клетку, и еле слышно шуршат жуки на потолке. Но всё когда-нибудь заканчивается, и звонкий коммуникатор разрушает сонное царство. Рыжеволосая Жанна принимает звонок.

— Да, Юрочка. В полях. Ага. Ещё часов двенадцать. Одна. Точно одна, почему ты вообще спрашиваешь?!

Пока она врёт, Гектор отпивает из стакана пряную, уже тёплую и разящую спиртом жидкость. Морщится. Как некстати этому ослу приспичило потрепаться! Хоть Маша не звонит, только её сейчас не хватало!

Жанна продолжает трещать с мужем, и Гектор молча любит её профилем: вздёрнутый нос, ямочка на подбородке, веснушки на щёках, пурпурная серёжка в брови. Раздражение и гнев, с которых началась эта встреча, отступают, сменяясь нежностью

и... тревогой. Что будет, если Юра узнает о них? Даже не «если» — Жанна откровенна в намерениях — «когда». О собственной жене Гектор почти не думает, ведь не она источник его проблем. А вот Жанна...

Снаружи солнце жарит на всю катушку, ртутный столбик штурмует пятый десяток. Гектор смотрит в небольшое круглое окошко бунгало — непрозрачное снаружи, как диктует ещё одна новая мода. У местных что-то вроде сиесты. Они повсюду: на крышах и придорожных камнях, установленных специально для солнечных ванн, в траве, да и прямо на дороге. Их тонкие раздвоенные языки высунуты и расслаблены. Зелёная чешуйчатая кожа блестит и переливается.

Когда Человечество устремилось в космос, конспирологи возрыдали. Не было никаких тайных баз инопланетян на обратной стороне Луны, равно как и на Марсе с Титаном. Никто не опекал Человечество, не управлял им исподволь. Люди всего добились сами.

Зато, когда рептилоиды с планеты Нибиру, открытой в системе Альфа-Центавра, вырастут из планетарных подгузников, их ждёт большой сюрприз. И что с этим теперь делать, решительно непонятно.

С этого и начнём.

Никто не любит перемен

— Ящеры не готовы. Ну какой космос, они же дикари совсем! — кипятился руководитель экспедиции Гектор.

Его жена Мария вздохнула и заёрзала на стуле. На очередном заседании тайного правительства рептилоидов она, медик и биолог, чувствовала себя не в своей тарелке. Как и брат Юрка, который сидел с прямой спиной и напряжённо глазел на Гектора. Бедняга совсем отвык от человеческого общения, а сучка Жанна даже не пытается вытащить его из отчётов. Да и зачем ей?

Усевшись напротив Гектора, Жанна демонстративно стреляла взглядом в его сторону. Чтобы Мария видела. Будто она и без того не знала природу частых командировок мужа «в поля»...

Они сидели в тесной кают-компани межзвёздного корабля «Искатель-34», который привёз их восемь лет назад, и через год увезёт обратно. Двести лет они обживают в системе Альфы-Центавры, а всё, что построили, это автономная станция-ретранслятор да россыпь спутников. Вместо космической базы — их корабль. Он улетит — прилетит следующий. На всё остальное денег никогда нет.

Хорошо хоть сменщикам перепало финансирования, и через год сюда прилетит гигантский «Искатель-35» с двенадцатью специалистами, а также лабораториями, операционными и всем остальным, чего так не хватает прямо сейчас. Жаль, их смена к тому времени закончится.

— Они не готовы или мы не готовы? — Жанна подняла пирсингованную бровь. — Социология говорит, что все кланы рептилоидов подсели на тему космоса. От верхушки до низших каст.

— Жанна, не так давно Земле пришлось грубо нарушить принципы прогрессорства, чтобы рептилоиды не разнесли планету ядерными болванками.

— Ну, Гек, дорогуша, — Жанна улыбнулась Гектору, — давай вспомним, что мы и сами влезли в Карибский кризис уже после триумфального выхода в космос. А ящеры всего лишь хотят забросить на орбиту жестянку с радиомодулем.

— А если нас обнаружат?

— Не обнаружат, — успокоил Юра. — Экраны корабля поглотят радиоизлучение, а светопоглощающие паруса отлично маскируют от любой оптики. Уж прятаться мы умеем!

Гравитацию на «Искателях» заменяли с помощью центробежной силы. «До сих пор» — обязательно бы добавил Юра, который не прощал Человечеству пробуксовок. Поэтому их полом был широкий внешний борт корабля. А сам «Искатель» постоянно вращался вокруг своей оси. Мы будто в волшебном домике, подумала Мария. Маленькие маги, которые ещё только учатся управлять законами природы, но уже стали большими зазнайками.

— А что думает ЦУП? Он в курсе? — спросила она. — Или сами вершим судьбы галактики?

— Сами! Ещё «Искатель-33» в конце миссии посылал запрос, как быть с их космической программой. ЦУП долго думал, перевёл стрелки на Ассамблею, туда-сюда... Ответ пришёл на наш третий год командировки. Написали, что раз так много времени прошло, и данные наверняка устарели, мы должны сами принять решение.

— Четыре года сигнал в одну сторону идёт, — вздохнул Юра, — Земля нам не поможет.

— Ну да, — Гектор поджал губы и нахмурился, — зато если что-то пойдёт не так, спросят с нас. Надо тормозить ящеров. Тормозить!

Гектор покраснелся, на лбу проступила упрямая складка.

— Переключим их на информационные технологии и... что там ещё? Развлечения, искусство. В самом деле, зачем им космические путешествия без нормальных компьютеров? А зачем нам ящеры в космосе без культуры гуманизма? Встретив нас, они сразу начнут готовиться к войне!

— И правильно! — повысил голос Юра. Слова Гектора затронули в душе учёного особо тонкую струнку.

— Кто мы такие, чтобы решать за другую расу, когда ей делать первые шаги? Болтаемся на орбите, интригуем, а на Земле обдумывают, не перебить ли ящеров, чтобы присвоить планету!

— Юрочка, солнце, оставь в покое болтунов из Ассамблеи. Всё, что они могут — урезать финансирование. И то в последнее время картина обратная. Я читала, нам даже премиальные повысят! — Жанна довольно потянулась в кресле, — Будет на что начать новую жизнь, платиновые мои?

Смотрела она при этом, разумеется, не на мужа. Гектор кисло взглянул на любовницу и отвёл взгляд.

Мария с трудом сдержала горькую ухмылку. О, сколько было таких «новых жизней»! В школе пилотов, на Луне... А как кипели страсти на космической станции возле Плутона! И каждый раз одно и то же: сверхновая вспышка, долгий пожар... и остывание. Гектор неизменно возвращался в орбиту жены, как комета Галлея — к Земле. Как же это унижительно. Пожалуй, лучше в самом деле верить в новую жизнь, как эта дурочка, чем жить и знать, что всё будет по-старому.

Всё было бы намного проще, если бы Мария могла в отместку закрутить интрижку с супругом Жанны. Но рыжая сука замужем за Юрой, родным братом Марии. Какой уж тут роман! Женщина вспомнила свадьбу, и как радовалась, что у Юры такая красивая невеста. Увы, холодный и отстранённый, одержимый наукой брат не удержал горячую Жанну. Куда ему, похожему на подшефных рептилоидов, до живого мужчины, горячего как Альтаир. До такого, как грёбанный козёл Гектор.

Поразительно, что кретины из ЦУПа настаивают на семейных экспедициях. Мол, бонусы к психологическому климату. Отличные бонусы! Мария поняла, что пропустила за невесёлыми мыслями часть разговора. И нехотя сосредоточилась на словах Жанны, которая гладила любовничка против шерсти.

— ... не представляю, чего ты хочешь. Даже не так: ты сам не представляешь. Какой гуманизм хочешь прививать ящерицам, которые размножаются партеногенезом? Сколько возились с культурой дошкольного воспитания — напомнить?

Даже в космическом комбинезоне, неуклюжем и плотном одеянии, Жанна выглядела стройной и грациозной. Сама Мария ненавидела униформу. Белое полнило, да и фасон отвратительный.

— Я и говорю: рано им в космос. И не надо про Карибский кризис, нечего даже сравнивать!

По крайней мере, в этот раз они не зацепились за партеногенез и правила произношения — вечная тема сексистских подколов и подтрунивания над филологами. С точки зрения биологии, все нибирийцы самки, но в русском языке успела закрепиться традиция мужского рода. «Ящер», «рептилоид», «он» — пока разобрались что да как, полвека прошло. Так и закрепилось. В английском, впрочем, ещё хуже. Там прижился средний род, будто ящеры простые животные.

— Гек, дорогуша, ты знаешь, как я тебя люблю, — сказанное с невинной интонацией словцо дополнилось красноречивым взглядом. — Но сейчас ты не прав. Да, нибирийцы не такие. Но именно поэтому не тебе решать, готовы они или нет. У них свой путь, своя история. И как мы раньше не вмешивались в их дела, так и сейчас решать не нам.

— Что плохого в том, чтобы подождать ещё пятьдесят лет, а потом выйти к звёздам с принципиально другими возможностями?

— Плохого ничего. Но, Гек, ты же работаешь с ними, должен понимать. Даже наш ручной клан Шиас стремится к звёздам. Они хотят спутники, чтобы контролировать другие кланы и, конечно, хотят присматривать за нами. Для Шиас важно ощущение контроля хотя бы в таких мелочах. Чем сильнее ты надавишь на эту мозоль, тем желаннее для них станут звёзды.

Гектор молчал.

— Когда-нибудь нам зададут неприятные вопросы об этих трёх сотнях лет. Они убивали друг друга, мы смотрели, бла-бла-бла. Не умножай эти вопросы, отдохни. Скоро мы («о, это многозначительное «мы», подумала Мария) вернёмся домой, к нормальной жизни. Я сыта Нибиру по горло, хочу бросить якорь в Канаде, на берегу холодного озера с причалом, платиновой подпиской на визор и площадкой для птеробайка. Чтобы ни одной ящерицы на всю округу!

— Жанна! Если мы ошибёмся, потомки не простят.

— А что ты вообще можешь сделать? Разорвать отношения? Пфф! Сменить союзников, открывшись кланам, которых Шиас разнесли нашими технологиями и оружием? Вот они обрадуются! И потом, даже эти неудачники вцепились в космос. Хотят улететь от Шиас на другую планету, и построить там консервативный рай. Считают Солнечную систему перспективным направлением!

Жанна хохотнула, встряхнув огненной копной волос. Эх, продолжала самобичевание Мария, надо было поменять пигмент перед экспедицией на светлый! Сижу теперь как серая мышь на фоне этой... этой...

Гектор угрюмо посмотрел на Жанну. Ого, злорадно подумала Мария, как бы у них всё досрочно не закончилось. Что же будет с Юрой, когда наши влюблённые станут собачиться в полный рост? Он настолько не от мира сего, что в лучшем случае только подозревает об измене.

А я идиотка, подумала она. Надо было порвать с Гектором ещё на Плутоне, когда стало ясно, что ничего хорошего из брака не выйдет. Она позволила себя обмануть, ещё и втянула в это брата. Впервые Мария посмотрела на красивого черноволосого супруга с ненавистью. Вернёмся, и подам на развод, решила она. Забьюсь в какую-нибудь нору подальше от чёрных глаз, сильных рук и вкрадчивого голоса с хрипотцой. На Марсе в колонии нужны биологи. А может в Харьковском биотехническом найдётся место на кафедре. Только бы осесть на разных планетах!

— ...меньшим злом будет и дальше поддерживать Шиас. Они хотят запустить спутники? Пусть! Юра говорит, что Шиас скоро упрутся в потолок возможностей. Дальше им понадобятся мощные компьютеры, а потом их, конечно, объединят в сеть. Интернет изменит их общество, как когда-то изменил наше. Интеллект постепенно начнёт цениться выше происхождения, некоторые выскочки смогут запрыгнуть на самый верх, раскачав сословное общество. Это процесс на десятки лет, и пока он не закончится, в космосе ящеры будут лишь эпизодически.

Все молчали. Сучка, как к ней ни относишься, в своём деле разбиралась. Мария даже решила поддержать соперницу. Пусть муж понервничает, ему полезно.

— Гек, зачем оттягивать неминуемое? Ассамблея сама торопит: скорее, скорее, подавайте друзей в космосе! Редкие металлы нужны позарез: на Земле только и разговоров, что о местных платиновых рудниках. Чем быстрее наладим торговлю, тем лучше. Нужно рисковать.

Жанна внимательно смотрела на Гектора, будто ждала чего-то особенного. Марии не понравился цепкий, целеустремлённый взгляд соперницы.

Юра скучал, глаза на красного карлика Проксиму, который как раз попал в прицел внешних камер. О, если бы брат реже смотрел на звёзды и чаще на жену! Мария до сих пор не до конца понимала, что отравило её к звёздам — страсть к инопланетным формам жизни или любовь Юрки к космосу. Его одержимость увлекала за собой, как Юпитер захватывает всё, до чего дотягивается. Очень жаль, что гравитационные сети

Юрки затащили перспективного социолога Жанну. И ещё хуже, что не смогли удержать.

— Ладно! — Гектор взъерошил мокрые волосы. — Может, я в самом деле паникую зря. До серьёзных телескопов ещё лет пятьдесят, а настоящий прогресс начнётся лет через двести. Если только у них не случится прорыва в науке...

— ...который не случился у нас — мрачно оборвал его Юрий. — Как летали на досветовой фотонке, так и тащимся до сих пор. Десять лет в один конец! Если бы не анабиоз, с ума сошли бы!

— Всё, заканчиваем, — махнул рукой Гектор. — Пусть запускают, что хотят.

Всё вроде бы разрешилось, но напряжение никуда не делось. Выходя из комнаты, Мария скользнула взглядом по нахмуренному лбу мужа. Юра тоже казался недовольным. А Жанну, напротив, переполняло непонятное торжество. Что ты задумала, ржавая башка? Неужели не понимаешь, что в новую жизнь отправишься одна, потому что много было вас, придурочных.

И только я, со злобой подумала Мария, одна я такая... уникальная... дура.

Дедуктивный метод

Жанна лежала в нибирийской траве, раскинув руки. Лицом к непривычному лилово-синему небу. Пышные волосы отливали на солнце медью, отчего кровь на них была практически незаметна. В отличие от лица и травы вокруг, где красное смотрелось страшно и чужеродно.

Четыре фигуры стояли над убитой. Три человека, один рептилоид. Многоуважаемый Ка-Нш, верховный вождь Шиас, лично прилетел на место преступления. Всю местность в радиусе нескольких миль оцепили ящерами низших каст, в воздухе мелькали их воздушные суда. Шиас умели хранить покой небесных покровителей. Но вот одну не уберегли.

— Мы найдём их, тёплые господа, — кисточки на ушах Ка-Нш стояли дыбом от волнения.
— Кто бы ни посягнул на госпожу Жанну, он будет умерщвлён со всей возможной жестокостью.

Гектор поморщился, но кивнул. Затем всё-таки добавил:

— Многоуважаемый Ка-Нш, нам нужен реальный виновник. Не показательный суд, а реальный результат. Мы всё видим. Не пытайтесь выдать сброшенный хвост за живую ящерицу.

Ящер, помедлив, кивнул.

Они говорили на земном всеобщем, которому Ка-Нш обучили ещё в детстве. Ящер не выговаривал некоторые буквы и звал покойную «Шанна», но, в целом, говорил хорошо. О, небо, подумала Мария, о чём я думаю? Жанна мертва! Насовсем! Навсегда!

Дрожащими руками Юра погрузил камень с пятнами крови и прилипшей прядью волос в молекулярный анализатор. Мария подошла к нему и сжала предплечье.

— Держись, Юрка!

Гектор шептался с Ка-Нш. Ящеры-слуги волокли тяжёлый кейс к челноку. Очередные сборы грунта, поняла Мария. Смерть смертью, работа по расписанию: они должны собрать полную коллекцию ископаемых до завершения экспедиции.

— Не понимаю, зачем убивать Жанну? — Юра смотрел растерянно, как заблудившийся в университете малёк. — Кто-то из непосвящённых забрёл в эту зону и испугался? Неужели мы такие страшные?

— Почему она не использовала фриз-спрей? — Дурные предчувствия переполняли Марию. — Спрей отправил бы ящера в анабиоз.

— Не у-успела? — Юра выдавливал из себя слова.

— Это может быть диверсия другого клана, — Гектор подошёл к ним, неловко обняв Юру

за плечо. — Могли узнать про нас и послать убийц.

Ка-Нш яростно, очень по-человечески замотал головой:

— Исключено! — от волнения он начал растягивать согласные, так что это прозвучало как «ис-с-с-х-х-хлю-ш-ш-шено». — Зона защищена, кланы-враги вообще ничего не знают про вас!

— Тогда кто убил Жанну?! — рявкнул Гектор.

Рептилоид опустился на четыре лапы, как принято у нибирийцев при душевном смятении. Это инстинкт, всплыло в памяти женщины. На планете с такой силой тяжести прямохождение сопряжено с дополнительной нагрузкой на кости, поэтому нибирийцы часть жизни проводят на четвереньках, чему способствует как скелет, так и мышечное строение.

Ка-Нш молчал, ему было страшно. Но ещё страшнее было Марии, которая смотрела на мускулистые руки рептилоида, увенчанные ловкими пальцами с выдвижными когтями. Каждый коготь длиной от трёх до пяти сантиметров — ими нибирийцы вскрывают прочные панцири насекомых, а также используют как оружие. Зачем такому страшилищу камень?

Теоретически, ящер мог прыгнуть на Жанну (сто семьдесят два сантиметра, идеальная осанка, вечно задранный к небу нос) и ударить по голове камнем. Но зачем, когда можно разорвать горло? Средний рост жителя Нибиру не превышает ста сорока сантиметров. Даже не горло — живот или бедренную артерию.

Гектор опять отвёл Ка-Нш в сторону. Юра возился с молекулярным анализатором, который не нашёл следов убийцы. Мария почти перестала ненавидеть эту стерву. Но не жалела. Жалеть нужно живых. Себя.

Трава на Нибиру жёсткая с острыми краями, незащищённую кожу режет в момент. Земля твёрдая, степная, её почти не видно за тёмно-оливковой порослью. Чего ещё не видно? Камней. Ни гор, ни оврагов, только трава по пояс и редкие деревья, похожие на исполинские кусты лопуха. Мог ли рептилоид притащить камень с собой? Или всё-таки нашёл здесь?

Мария ещё раз посмотрела на мужчин. Можно просканировать каждый кубический миллиметр булыжника, посчитать количество камней в округе и построить математическую модель ящера, прыгающего на Жанну. Но старинные романы-детективы кажутся убедительней. Потому что дедуктивный метод, выводящий частное из общего, даёт куда более понятную версию, чем «нулевые» молекулярные отчёты.

По статистике большинство убийств совершаются на почве страсти. Жанна спала с Юрой и с Гектором. Жанну убили. Любовник и муж, нестареющая классика.

Лиловое небо давило на плечи, прижимая к земле — то ли суровая нибирийская сила тяжести, то ли печать тревоги. Чувства спутались, мысли метались вокруг раскалённого

уголька подозрения.

Любимый, хоть и странноватый брат. Любимый, хоть и ненавидимый муж. Кто из них чудовище? Да какая разница! От одного только предчувствия грядущей потери хотелось выть. Да что там грядущей: подозрения уже сейчас стеной отделили от Марии обоих! И это было так горько и так болезненно, так несправедливо, что казалось, будто мир безвозвратно рухнул в пропасть, и ничего уже не исправить и не вернуть.

Мертвецы говорят — 1

Кадровому отделу ЦУП

экспедиционного психолога Жанны Кочевниковой

Тошнит от Юры. Всё, что раньше казалось милыми причудами, превратилось в пытку. Бесит бытовая беспомощность и дурацкое мессианство. Царь наук постоянно путается под ногами, как восторженный щенок. Только что по углам не гадит — хотя разок его дерьмо всё-таки пришлось подчищать.

Юра витал бы в облаках, плавай они вокруг нашей консервной банки. Но вокруг космос, так что Юра порхает прямо в нём. Обсчитывает орбиты планет, изучает траектории ближайших комет и гравитационные аномалии. Он кайфует, а я пытаюсь понять, как могла планировать провести с этим человеком целую жизнь. Он настолько замкнут, что я шучу, будто в экспедицию отправились не четыре человека, а три с половиной.

Я очень устала.

Задолго до старта экспедиции я билась головой о стенку, доказывая, что проблемы двадцать девятого и тридцатого «Искателей» не в том, что члены экипажа плохо знали друг друга. Их было мало, и они жили почти десять лет в крутящемся барабане, каждый день видя одни и те же три-четыре морды. Связь с Землёй не столько помогает, сколько мешает. Невыносимо видеть, как стареют близкие. А ведь о «синдроме Макконахи» заговорили задолго до первого субсветового полёта.

В этом и беда! Человек вышел в космос триста лет назад. С тех пор собран огромный массив данных по космическим психозам, который некому отрефлексировать и обобщить. Нет нового Фрейда, нет Юнга. Многие пытаются, но... увы. В результате имеем стихийное бедствие под названием «Искатель-34».

Посадите в жестяную коробку две-три семьи и получите такую же банку с пауками, как и со случайным набором. Посмотрите на семейные экспедиции номер тридцать два и тридцать три. После полётов сплошные разводы. И я хорошо понимаю этих несчастных, ведь моему браку тоже кранты.

Больше всего бесит, что Юра постоянно ноет. Бу-бу-бу, дурацкие дураки ставят палки в колёса науке и великому гению. Того нет, сего нет — будто у других учёных всего в достатке! А ведь он может быть другим! Как тогда, когда передал крокодилам свои игрушки. Да, он подставил нас, но именно такого Юру я полюбила когда-то. Рискового, умного, влюблённого в космос. Жаль, что при ближайшем рассмотрении всё оказалось немного не таким...

Я устала.

Год назад мы получили весточку, что в следующей экспедиции будет четырнадцать человек. Вау. Прочитали мои доклады? Четырнадцать человек лучше четырёх, вопросов ноль. Только это полумеры. Нужна полноценная станция с большим штатом. И не только для того, чтобы никто не съехал с катушек, как в двадцать девятой. На Нибиру полно

работы, мы хронически не успеваем, каждый тянет несколько направлений. Ящеры времени не теряют и развиваются всё быстрее. Быстрее, чем мы когда-то.

Раньше я думала, дело в деньгах. Но в экспедиции поняла, что как раз деньги — не проблема. Это просто такая структура приоритетов у тех, кто подписывает бумажки. И от этого особенно гадко.

Я хочу развестись. Юра сойдёт с ума, когда узнает. Он до сих пор меня любит и, что самое ужасное, хочет детей. А меня выворачивает от одной мысли о том, как я вожусь с ребёнком, а он пялится в длинные ряды формул. А если ребёнок пойдёт в него характером? О, нет, хоть убейте, но я — пас!

Пусть бесится, хоть головой о стены бьётся. Плевать. Я считаю дни до конца каторги, когда можно будет порвать со всем скопом. Юра, рептилоиды, космос — забыть об этом долгом кошмаре!

По дороге домой я причешу эти писульки. Полгода вахты — большой срок. Я выплачусь. Напишу отчёты и натыкаю в них бессмысленных отсылок к Фрейду и Юнгу. Всё, как вы любите, старые косные пердуны. Заодно накаатаю разгромную статью о том, как некомпетентные и жадные бездари из ЦУП гробят науку.

Вы у меня попляшете, папуасы космические.

На Луне жил звездочёт

Ну Луне жил звездочёт. Он планетам вёл подсчёт. Меркурий — раз...

Втроём в тесной кают-компании «Искателя» комфортней, чем вчетвером. Только в бездну такой комфорт. Кофе остыл, выпечка не тронута. Тяжёлое многозначительное молчание. Мы словно игроки в покер, подумала Мария. Укрылись за картами и смотрим. Наблюдаем. Ждём.

Когда она вернулась на «Искатель-34», сразу проверила, не пропадали ли на Нибиру астронавты из прошлых экспедиций. Вдруг кто-то бродит по планете, одичавший и безумный? Ответ отрицательный. Погибшие были, особенно во время войн, когда полудикие ещё рептилоиды накрывали города артиллерией и примитивной авиацией. Но все тела найдены и отправлены на Землю. Протоколы опознаний, выводы комиссий, экспертизы...

...Венера — два-с...

Орудие убийства чистое. Во что проще поверить? Что Гек раздобыл шпионское оборудование для заметания следов? Что Юра подделал результаты, пока Мария с Гектором хлопали ушами?

Возможно ли поверить в то, что Юрка поднял руку на Жанну? Нет! Но в Межзвёздную академию он поступил подростком, взломав базу учёта граждан и накрутив лишние годы. Потом, после выпуска, сдал спецслужбам уязвимость и вроде бы исправился. Однако здесь, на Нибиру, опять нарушил закон: наболтал рептилоидам лишнего и передал несколько чертежей. Окрылённые подказками, учёные Шиас совершили прорыв в космических технологиях, а Юру пришлось прикрывать всей командой. И в этот раз он не выказал и тени раскаяния. Напротив — гордился.

Жанна не считала Юру опасным. В её дневнике, замаскированном под отчёты ЦУП, нет страха, лишь презрение и усталость. Но теперь она мертва, и Юра — один из двух подозреваемых.

Писульки Жанны сорвали маски с каждого члена экипажа, уничтожив недосказанность, хранившую худой мир на корабле. И что у них осталось? Ни хрена!

... Три — Земля...

Согласно судовому журналу, у Жанны была одиночная командировка. Вместе со всей группой она прилетела в челноке и провела четырёхчасовое совещание с нибирийцами. Изучала перспективы внедрения в общественный дискурс ящеров более глубокого понимания ответственности перед миром.

Мария произвольно подумала о том, что Гектор во многом прав. Рептилоиды действительно незрелы и мыслят, как дети. Верят, что космос — это огромная сиська, к которой можно присосаться. Хотят колонизировать другие планеты, выселив туда проигравшие кланы и перебив, если придётся, местную фауну. Хотят добывать полезные

ископаемые на астероидах и создать космические свалки, чтобы разгрузить экосистему самой Нибиру. Мечтают построить мощный межзвёздный флот на случай нападения из космоса. Мария покачала головой. Она не знала, какими были предки в конце двадцатого века, но надеялась, что много лучше.

... четыре — Марс...

Что конкретно делала Жанна после совещания — неизвестно. Взяла в ангаре дизельного паука и погнала в степь навстречу с Вечностью. Такие поездки по охраняемой части владений Шиас случались и раньше. Иногда это были рабочие командировки, а иногда «случайно» совпадали с командировками Гектора на планету.

Однако в этот раз Гектор в самом деле работал. Сначала проводил инициацию главы союзного Шиас клана. Затем рванул на одноместном коптере к строящемуся космодрому. Если верить встроенному в коптер передатчику, остановок в пути не было. Это если верить — студенческие шалости брата научили Марию не доверять технике.

Она не подала виду, но больше всего в очередном адюльтере мужа её уязвило то, что Гектору было плевать, подозревает ли она об интрижке. Он вообще не скрывался. Вот логи командировок, вот логи Жанны — ни паролей, ни маскировки маршрутов. Она подняла записи за все годы. Он трахал эту суку, когда хотел и сколько хотел, даже не пытаясь замести следы. Ну конечно, ведь Маша добрая, Маша прощала раньше, простит и теперь.

Ну почему я не бросила его до Нибиру, в который раз подумала женщина. Почему?! Он никогда не будет моим по-настоящему. Он всегда будет искать приключений на стороне. Должно быть, он в принципе не создан для семьи!

На самом деле, она знала ответ. В дни, когда Гектор был с ней, он отдавался целиком, и она не знала никого, кто мог забываться в страсти так сильно и так отчаянно. Большую часть отпусков они провели в постели, и она не всегда могла вспомнить в каких краях проходили эти сладкие скоротечные деньки. Беда в том, что недели неистового секса заканчивались, и на горизонте появлялась новая бабонька.

... пять — Юпитер...

С алиби Юры всё было непросто. Он присутствовал при эксперименте в лаборатории на Нибиру, условия которого предусматривали полное экранирование помещения и отключение большей части оборудования. Включая камеры. Это было странно, ведь Юру старались не оставлять наедине с учёными рептилоидов. Но так сложилось, что у остальных были другие дела на планете.

Мог ли Юра выбраться из лаборатории, обманув охрану, выследить Жанну и убить? В теории мог. Особенно, если заручился помощью кого-то из ящеров. Гектор много раз повторял, что вождь Ка-Нш себе на уме. Такому ввязаться в человеческие интриги — раз плюнуть. Особенно если Юра пообещал снова помочь технологиями.

... шесть — Сатурн...

Втроём в кают-компании «Искателя» могло быть комфортно, но страшные слова и взаимные обвинения уже прозвучали. Официально экспедиция ждала результатов расследования ящеров. Неофициально — каждый решал уравнение с одной неизвестной.

И едва ли Мария выглядит в глазах мужчин лучше, чем они — в её. Точно также, как и все, она была на планете.

Пусть она не влияет на политику ящеров, но будущее Нибиру зависит от её исследований. Сила тяжести в 1,49 земной и особенности строения скелета рептилоидов станут проблемой при освоении космоса. Как ящеры справятся с синдромом космической адаптации, если по расчётным данным, он затронет до 80% кандидатов в астронавты. Ещё и с силой в три-четыре Гарна! Без работы биологов серьёзный космос для Нибиру может быть закрыт на века. Некому будет летать. Этим и занималась Мария в тот день, честно и с полной отдачей. Что не отменяет сомнений коллег. Точнее — коллеги. Ведь другой точно знает, кто убил.

Идеальный детектив — Жанну мог убить кто угодно. И мотивов хватало у каждого. У Марии так и побольше других.

... семь — Уран...

Какая-то мысль не давала Марии покоя. Она чувствовала, что упускает что-то. Не видит леса за частоколом деревьев. Она заблудилась в уравнении с двумя неизвестными, так что проще посчитаться детской считалочкой, чем найти убийцу.

... восьмой — Нептун...

А что она вообще знала о Гекторе? Родился в Турецком округе, младший ребёнок в семье. С детства интересовался социальными науками, механизмами образования элит. Был студенческим президентом. Победил на олимпиаде по квантовому программированию, играл в школьном театре, коллекционировал деньги двадцатого века. Всё это не то и не о том. Упрям и своеволен. Авантюрист. Не любит проигрывать. Любит женщин. Подлец. Скотина. Сволочь. Лучший мужчина в её жизни.

До старта «Искателя» Мария прожила с Гектором девять лет. Большой срок. Достаточно большой, чтобы научиться понимать, что маска бонвивана — это ещё и способ держать дистанцию. Но этих лет оказалось недостаточно, чтобы понять, кто под этой маской скрывается.

И снова её мысли метнулись к запискам Жанны, основательно прошедшей по каждому из членов «Искателя-34». Юре, Геку... и самой Марии.

... девять — дальше всех — Плутон...

С Юрой они росли в Новосибирске, огромном научном мегаполисе, где природа тесно переплелась со зданиями. Даже не всегда понятно, это ещё лес или уже центральная площадь. Идеальное место, чтобы родиться выдающимся учёным-физиком и

астронавтом. Но Юра всё равно умудрился вырасти несчастным ребёнком. Ему хотелось всего и сразу, обгоняя методички, предписания и рекомендации. В десять он вместе со школьными друзьями пытался сбежать на Марс. Когда стукнуло четырнадцать, Юра сдал экзамены в лётную Академию, но не смог поступить по возрасту. Тогда ему пришлось засесть ещё и за учебники по программированию и компьютерным сетям. А шестнадцатилетняя Мария в том году научилась играть на гитаре и пела в квартире на Ядринцевской «Нюркину песню».

Мария вспоминала юность как крылатое время, когда можно было всё, и всё получалось. Юра — как время запретов. Бедный братик, ты всю жизнь ломишься в открытую дверь, набил кучу шишек и, в конце концов, оказался там же, где и я. Всё вокруг тебя недостаточно идеальное. Так как бы ты поступил, если бы узнал об измене?

... Кто не видит — выйдет вон!

Мертвецы говорят — 2

Кадровому отделу ЦУП

экспедиционного психолога Жанны Кочевниковой

Как социолога, меня занимает то, как сверхгосударства приходят в упадок. Римская империя, СССР, Евросоюз — легионы ещё победно маршируют по покорённым землям, банки крутят денежками, человечки ходят на работу как ни в чём не бывало. Но что-то уже надломилось в обществе. Историки обожают рассуждать о точках, с которых начинался закат некогда величественных образований, но всё это скучно. Интересно другое.

Каково это — жить в эпоху надлома?

Когда Юрка ноет о том, что технологии развиваются слишком медленно, или когда я пытаюсь совмещать исследования на Нибиру с необходимостью присматривать за психологическим климатом в команде (ха-ха-ха), думаю именно об этом. Уверена, Человечество тоже взвесили на весах и признали слишком лёгким для наших амбиций. Однако на Земле это непопулярная тема для разговоров. Никто не строчит критические статьи в «Галактик-таймз» об упадке цивилизации. Напротив, у всех всё очень и очень хорошо.

Однако я чувствую надлом. Что-то такое витает в воздухе. Что-то такое, что всегда со мной, как вкус пепла на губах на пожаре — я знаю, о чём пишу, ведь на сраной Нибиру насмотрелась на пепелища после клановых зачисток. Я чувствую надлом, даже когда смотрю на Гека. Нет — особенно, когда смотрю на него. Он ужасно умный, у него биография гения. Такой, знаете, мастер на все руки, прямиком из эпохи Возрождения. Но за биографией скрывается не столько новый Да Винчи, сколько старый Калиостро. Не герой, а ловкий трикстер, набивающий карманы драгоценными металлами. Ну вы поняли, милые мои *подельники*, да?

Мы начали трахаться после одного из сеансов психотерапии, и очень быстро я запала по-настоящему. Не очень профессионально, но что мы вообще делаем профессионально? С вашей подачи я совмещаю копание в мозгах членов команды и исследования другой биологической расы. Думаете, я не съехала с катушек? Ха-ха-ха!

Гектор оказался у меня на кушетке неслучайно. Этот знойный красавчик со смоляными бровями и смуглой кожей хрупок душой и неуверен в себе. Он родом со спорных земель, где уже много столетий соседи точат друг на друга ножи. Буквально — дядю Гека зарезали у него на глазах. Мы тут решаем, достаточно ли нравственны рептилоиды для каких-то там следующих шагов, а на Земле ещё находятся придурки, которым охота поквитаться за прапрадедов или кто там вообще идёт после прапрадедов?

Прапрапрадеды? Вот за них. Чёрная злоба копится сотнями лет, а потом лишний стакан вина или плохой день — и всё, добро пожаловать в каменный век!

Гектор ничего не рассказывал об этом жене, хотя тот случай сильно перепахал ему голову. Впрочем, он много о чём ей не рассказывает.

Я согласна с Юрой, но в отличие от него, меня не смущает закат нашей цивилизации. Не потому, что новый восход неизбежен. На это плевать. Просто Гектор — именно тот мужчина, с которым хорошо опускаться на самое дно. Он и есть воплощение эпохи, с ранним изгнанием из родного дистрикта, учётом в полиции, вылетом из кресла студенческого президента. Этот пройдоха идеально подходит на должность руководителя нашей экспедиции. Ящерки от него в восторге, заучки пашут за восьмерых, а я... Я счастлива.

Я обуздаю этого конька. Он хорохорится, когда оказывается перед «или-или», но его песенка спета. Не спите со своим психологом, дорогие детишки, если не хотите закончить как сказочный Колобок.

Самое главное, что нужно знать о Гекторе Икс, удачно потерявшем настоящую фамилию где-то между отрочеством и юностью, это то, что под похотливой пахлавой, геологом-элитологом, лучшим другом рептилоидов и чрезвычайно хреновым мужем скрывается ещё что-то. Нечто большое и необъяснимое, как сом на дне реки. И когда мы с ним вырвемся из этого жаркого ада, я знаю, что не охладеею к Геку, потому что у меня останется эта глубина и много-много лет осторожной рыбалки. Если это называется декадансом, пусть будет декаданс.

Хороший, плохой, злой, рептилоид

Лицо Ка-Нша заняло всю видеостену кают-компании. Связь с Нибиру была хорошей, картинка всё время оставалась плавной. Лишь иногда падало разрешение, покрывая голову рептилоида острыми углами пикселизации. В такие секунды Ка-Нш походил на монстра, собранного из детского конструктора. Мария с Юрой мастерили в детстве таких, когда играли в космических разведчиков. А ещё Юрка собрал электромоторчик на солнечных элементах питания, и экипаж игрушечных рептилоидов доехал до финиша местных соревнований конструкторов-дошкольников. Как причудливо воплощаются мечты, горько подумала Мария. От детской игрушки до реальной орбиты прошло столько лет, и было потрачено столько усилий, что достигнутое воспринимается совсем не так, как раньше. Да и мы уже не те.

Так и с Жанной. Сколько раз Мария мечтала, чтобы лукавая ведьма запропастилась куда-нибудь, исчезла или, на худой конец умерла. И эта мечта сбылась, но где счастье?

— Тёплые господа, мы ничего не нашли. Мы в тупике. Я...

Мария хорошо знала язык тела и мимики рептилоидов, поэтому читала Ка-Нша как открытую книгу. Страх. Горе. Злость. Тонкий язык рептилоида метался из стороны в сторону, не находя себе места. Он то и дело принимался сутулиться, выпадая из кадра.

А ведь он глава сильнейшего, пусть и исключительно нашими стараниями, клана. Каково ему унижаться перед нами, да ещё и в ситуации, когда вины на нём, скорее всего, нет. Это наши проблемы. Это мы не справились с прогрессорской ролью.

— Тёплые господа... Мне трудно подбирать слова в такой ужасной ситуации. Возможно ли, что ни Шиас, ни наши враги... не имеют отношения к... ужасной трагедии? У нашего клана есть пословица. Родная кладка ближе врага. Мы используем её в разных случаях, всё зависит от того, как и когда произносить эти горькие слова...

— Вы правы, глубокоуважаемый Ка-Нш, такая возможность существует. — Гектор говорил от имени всей команды.

С ящерами как с детьми: очень важно не собачиться прямо при них, чтобы сохранять иллюзию контроля над происходящим. Для нибирийцев мы — тёплые господа, всеумудрые и всезнающие. Как родители. Мария волновалась за Гектора, ведь как раз его детский опыт был скорее травматическим, но он справлялся. Хотя, наверное, не стоило обрывать ящера так резко.

— Глубокоуважаемый Ка-Нш, продолжайте проверять границы своей территории. Если это всё же были лазутчики враждебного клана, они попытаются уйти к своим. Ну а мы здесь займёмся изучением других версий. Уверяю вас, что как бы ни повернулись события, на дружбе наших народов этот прискорбный инцидент не скажется.

Ка-Нш поклонился, вновь выпав из кадра. За ним виднелась стена нового церемониального дворца, в котором принимали астронавтов. Каменное помещение без окон, аскетичное на первый взгляд, но с продуманной системой вентиляции, «умной»

электроникой и красивой росписью стен. У ящеров специфические представления о живописи, с неестественными, слишком яркими цветами и нечёткими контурами. На Земле мода на картины рептилодов набирала обороты, в них видели особенную художественную смелость и свежий взгляд. Хотя, как точно знала Мария, их стиль продиктован особенностями цветовосприятия ящеров и строением их глаз.

Что-то шло не так. Она не могла понять, что именно, но в поведении Ка-Нша звенела фальшивая нотка. Что-то он делал не так, как обычно, даже с поправкой на ужасную ситуацию. Что-то было не так.

Беседа, тем временем, подошла к концу. Рептилоид напоследок разлил пару вёдер патоки и клятв в вечной дружбе, после чего Гектор прервал трансляцию.

Неловкое молчание прописалось в кают-компании.

— Мы не можем исключать рептилоидов... — начал Гектор.

— Хрена с два, — стукнул ладонью по столу Юра. — Это один из вас!

— Или один из вас, — парировала Мария, чувствуя, как внутри что-то осыпается, будто рушится стеклянный домик маленькой принцессы. В детстве у неё был такой. У всех девочек был. Но детские домики делают из волшебного стекла, которое не бьется, даже если случайно смахнёшь со стола. Во взрослом мире всё не так. Бросаешь в лицо брату обвинение в убийстве, и он становится чуть дальше от тебя. Навсегда.

— ... мы не можем исключать рептилоидов, — с нажимом продолжил Гектор — но, похоже, убийца — один из нас. Давайте решим это сейчас. Кто готов признаться в обмен на весь возможный набор смягчающих обстоятельств?

Власть — забавная штука. Кажется, абсолютной, но, на самом деле, штука сугубо договорная и, во многом, иллюзорная. Формально, Гектор всё ещё был их непосредственным начальником. Но реально его власть рухнула вместе с доверием членов экипажа. По сути, и экипажа не было. За столом сидели три человека, не верящих друг другу и ждущих подвоха.

Желающих сдать не оказалось. Вместо этого голос подал Юра. После трагедии и записок жены он стал ещё более отстранённым и холодным. Будто и в самом деле вместо настоящего Юрки Кочевникова, мечтателя и бунтаря, в космос полетел робот. Даже сейчас он говорил с ними поверх экрана планшета. Будто его кометы и астероиды не подождут развязки кровавой драмы.

— Предлагаю запечатать рубку нашей биометрикой, чтобы заходить и выходить могли только втрём...

Гектор и Мария одновременно кивнули. Это было приемлемым решением.

— ... И отправимся спать до прилёта сменщиков. В нашей ситуации мы не можем ни продолжать работу, ни искать виноватого.

— Ну уж нет, — разозлился Гектор. — Через год никаких улик не останется, как расследовать? Легко переложить ответственность на других! Но если убийцу не найдут, как нам жить с этим?! Мы... не чужие! Нам — жить!

Сказал это, Гек посмотрел на Марию. В глазах у него сквозил невысказанный вопрос, и Мария отвела взгляд. Конечно, они не чужие друг другу. Но лучше бы были чужими.

Гектор вздохнул.

— И потом, Юра, мы и так опозорились, как ни один из членов программы «Искатель» до нас. Убийство — если это действительно сделал член экипажа — крест на наших карьерах. Но мы всё ещё можем хотя бы закончить наши исследования. Хотя бы здесь не подвести Землю.

—О, конечно! Геология на первом месте! Куда ж без твоих камешков! Это мы уже знаем, это мы уже поняли.

Марии сильно не понравились слова Юры. Брат явно намекал на что-то... Гектор что-то скрывает? В записях Жанны было что-то такое про всю эту платину... Чувство тревоги переплелось с мутным осадком на душе от разговора с Ка-Нш. Там ведь тоже было что-то не так. Она чувствовала, что вот-вот поймает за хвост какую-то особенно важную мысль.

— Но что тогда предложит господин начальник экспедиции? Я в анабиоз без вас не пойду.

— На Земле выпишься. Господин начальник экспедиции предлагает полиграф. Необходимое оборудование у нас есть. Настроим, пройдем проверку и будем решать. Честно говоря, давно нужно было это сделать, Юра. Заодно спрошу у тебя под запись, о чём ты там с ящерицами языками чешешь на совещаниях? Что-то ты на планету зачастил в последнее время, и как раз наша глубокоуважаемая зелёная жопа юлить стала. С тебя и начнём.

В этот момент пазл в голове Марии сошёлся. Во время видеоконференции Ка-Нш смотрел не на главного, как полагалось по нибирийскому иерархическому этикету, а постоянно косился на Юру. Наверное, Гек тоже заметил. Но что это значит? Неужели...

В этот момент двигатель, вращающий «Искатель-34», отключился. Центральное освещение погасло, сменившись на тусклое резервное. В теле стала нарастать необычайная лёгкость. Гектор вскочил на ноги и бросился к терминалу. Тот не работал. Мария и Юра остались сидеть, обменявшись долгими внимательными взглядами. Гектор двинул кулаком по бронированному стеклу замолчавшей электроники, и бросился к Юре. Однако к этому времени искусственная гравитация ослабла уже настолько, что ноги оторвались от пола, и Гек пролетел мимо Юры.

Мария почувствовала, как тоже поднимается в воздух. Корабль полностью прекратил вращение, оставив экипаж в невесомости.

Мертвецы говорят — 3

Кадровому отделу ЦУП

экспедиционного психолога Жанны Кочевниковой

Должно быть, всех одарённых людей похищают и где-то держат взаперти. Не сразу после рождения, конечно. Молодые гении учатся среди нас, делают первые шаги, совершают первые открытия... а потом исчезают. Кто знает, может быть к ним приходят люди, такие же умные как они, и увозят на секретную планету. Там сливки Человечества решают непостижимые для прочих людишек задачи, а на наши беды им плевать. А может сообразительных ребят просто похищают и прячут в подземные лаборатории, где бедняжки вкалывают, как рабы-учёные в советских шарашках? В таком случае, хотелось бы посмотреть на результат.

Я училась с несколькими одарёнными ребятами, которым прочили большое будущее. Мы дружили, поддерживали отношения, я радовалась их первым — действительно значительным — успехам. Но с годами все они как-то затерялись. Ещё с несколькими молодыми гениями я сталкивалась немногим позже, уже во время работы над социальными моделями космических колоний. Годы прошли, — а космических колоний всё нет. Как так?

Перед тем, как улететь в эту чёртову экспедицию, я пыталась встретиться со старыми друзьями, чтобы... Ну зачем-то все так делают, верно? У меня в опросных анкетах для экипажа даже есть вопрос, виделись ли они с близкими перед отлётом. Считается, что, если не виделись, значит человек склонен к социопатическому поведению (ха-ха-ха!). И вот как раз те, кто подавали самые высокие надежды, оказались либо у чёрта на куличках, либо вообще пропали с радаров.

Если такая организация действительно существует, с моей золовкой они конкретно облажались. Потому что Марию Икс (до чего же дурацкая у Гектора фамилия, мы её поменяем) надо было хватать и бежать ещё очень давно. Мария, как и я, очень молода. Биологически нам нет и сорока — спасибо долгим космическим перелётам. Но несмотря на свою молодость, в учёном мире Маша успела прожить долгую и полноценную жизнь. Ей некогда ныть, и никто не ставит ей палки в колёса. Она просто берёт и делает. Чёрт, как бы я хотела, чтобы Юра был таким же. Чтобы сжимал зубы и работал с чем есть, а не искал виноватых.

У неё прогресс по всем направлениям. Вся живность Нибиру разложена по полочкам, работа над геномом рептилоидов ведётся на всю катушку. Есть смелые гипотезы, как приспособить ящеров к невесомости. Она умная и последовательная баба. Слишком умная и слишком последовательная для моего Гектора. Лучше бы и в самом деле её забрали какие-нибудь подземные масоны, чтобы и духу её здесь не было.

Что меня в ней пугает, так это её спокойствие. Я вижу, что она знает о нас. Да и, в целом, не строит иллюзий по поводу верности Гека. Но при этом не выясняет отношения, не бесится. Она всегда спокойна и собрана, и не понять, что происходит у неё в голове. А когда я ловлю на себе её взгляд — а смотрит Маша на меня очень часто — я не чувствую ненависти. Скорее грусть? Или сочувствие — что-то сопливое и унижительное

для меня.

Мы здесь все сумасшедшие, но именно Мария может убить человека и не поморщиться. Без сцен, страдания и позёрства. Просто взять и выключить человечку свет. И это ещё одна, пусть и не самая главная, причина закончить надоевший служебный роман и официально разбить наши семьи. Не ждать завершения экспедиции, даже обратного прыжка не ждать. Сейчас. Немедленно. Если Гектор продолжит сопротивляться, у меня есть чем прижать его к ногтю, и он сделает это со мной. Потому что я не хочу больше никакого сочувствия от этой рогатой бабы.

Возвращаясь к началу записи: гораздо хуже, если никакой секретной организации нет, а ростки научной революции попросту не приживаются в нашем унылом конформистском мире, где дряхлые академики руками и ногами держатся за места на кафедрах. Едва жизнь посеребрит голову и высушит мозги, как почтенный дедок или не менее почтенная бабуля принимаются гастролировать с лекциями по всей Солнечной системе. И на заслуженную пенсию светило выпроваживают не через годик-другой, а через десять — спасибо бесконечным сеансам криосна. А молодые прозябают в тени.

Пробовали защитить диссертацию, опровергающую выкладки одного из таких пердунов, если твой руководитель, твой оппонент и ректор твоего университета — старые предпенсионные легенды? Я знаю человека, который попробовал. Сейчас он живёт в консервной банке посреди грёбанного ничего. «С людьми, милочка, у вас пока не очень получается, попробуйте с иными видами, например, с разумными ящерами. Это перспективно!». Перспективно будет пустить малую часть денег из этой экспедиции на то, чтобы тебе глаз на жопу натянуть, старый дурак.

Так и получается, что за последние лет сто мы не совершили ни одного прорыва. История двадцать первого века читается как остросюжетный детектив, двадцать второй век — как грандиозный производственный роман. А дальше — бесконечный сериал на десятки, сотни лет. Анабиоз цивилизации.

Неудивительно, что молодые приспособляются жить в тени вечных учителей, либо бьются головой о стены на задворках цивилизации. Как Мария. Ведь с её мозгами можно было бы не в дальних полях работать, а на Земле. А в такие вот командировки кого попроще отправлять. Уж как-нибудь справились бы под чутким руководством. Но Маша здесь и, гром её порази, не опускает руки.

Наверное, поэтому я так сильно её ненавижу.

Свободное падение

Уравнение с одной неизвестной плохо тем, что постоянные всё время пребывают в сомнениях. Сомнения порождают нерешительность. Не удивительно, что только Юра не растерялся. Отцепив от пояса фриз-спрей, он подтянул колени к груди, сворачиваясь в клубочек. После чего выпустил в Гектора струю жидкого азота из баллончика. Фриз-спрей прекрасно отправлял в нокаут холоднокровных, но Гектору это было, конечно, нипочём.

Впрочем, Юра и не стремился превратить коллегу в Хана Соло. Реактивная струя отбросила мужа Марии к стене, а самого учёного в обратную сторону. В коридор. Раз — и дверь за ним закрылась. Два — зелёное табло цифрового замка сменилось на красное.

— Он запер нас! — замёрзший, с инеем на комбинезоне и бровях, Гектор подплыл к двери, пытаясь активировать её командирской картой. — Карта не работает! Маша! Твой брат совсем рехнулся!

Мария молчала. Она не могла поверить в то, что Юра сделал всё это. И не просто сделал — готовился, наверняка перепрограммировал бортовой компьютер. Она вспомнила хакерскую юность брата. Теперь былые проделки воспринимались совсем иначе.

— Мой ключ не работает, дай свой. Б-бездна! Твой тоже не пашет. Когда вырубился свет, запустилась какая-то надстройка безопасности.

Гектор нахмурил лоб и сжал губы, как всегда делал, столкнувшись с трудной ситуацией.

— Давай дверь напротив попробуем. Мда, тоже не работает. Дай отвёртку.

Мария вытащила из кармана мультитул и толкнула к мужу. Приборчик пролетел мимо плавающих в воздухе стаканчиков и чёрных кофейных жемчужин.

— Гек, осторожнее! Ещё током шарахнет!

— Не шарахнет. Так-так-так. Снимаем корпус. Проводок отсоединяем...

Мария во все глаза смотрела на мужа: раньше ему не доводилось взламывать электронные замки. В памяти тут же всплыли колкие слова Жанны из её записок. Действительно, что она может знать о Геке, если даже родной брат ставит её в тупик своим поведением?

В этот момент дверь открылась. За ней начинался узкий коридор, ведущий в грузовые отсеки. Гектор уверенно поплыл туда. Мария последовала за ним, хотя и не понимала, почему они отправились в противоположную от капитанского мостика сторону.

Большая часть грузового отделения оказалась заставлена одинаковыми контейнерами с пробами почв и ископаемыми. Огромное геологическое исследование Нибиру подходит к концу. Вернее, его первая часть: всё это ещё предстояло перевезти домой. Когда-нибудь Земля наладит торговые отношения с Нибиру, и лучше заранее знать, на что можно

рассчитывать.

Мария и Гектор плыли между бесконечных стеллажей. Бирки с географическими метками бросались в глаза, напоминая об огромной планете под ними. Вулкан Аш поделился пеплом и застывшей лавой. Со дна океана Си подняли гигантские жемчужины, кораллы, песок. Каменный уголь бассейна Офф-ши, железная руда и, конечно, платина. Дорогущий тугоплавкий металл, которого постоянно не хватает в промышленности. Земные запасы исчерпаны, добыча на астероидах затратна и рискованна. На Нибиру много платины. Очень много. Страшно подумать, сколько стоят даже те несколько контейнеров с платиной, что взяты на борт как образцы. Ящеры живут в настоящей сокровищнице, и не подозревают об этом.

Но как образцы помогут справиться с Юрой? Гектор двигался куда-то с определённой целью. Проплыв два складских помещения, он остановился в третьем.

— Где-то здесь.

— Что? — спросила она.

— Чемоданчик для таких... случаев. На всех «Искателях» есть тайники для руководителя экспедиции. На случай бунта или биологического заражения.

— Что за глупости? А если заразится сам руководитель?

Гектор промолчал. Он осматривал закреплённые на специально оборудованных стеллажах боксы с грунтом.

— Первый ряд, второй, третий, ага. И девятый слева.

Гектор открыл бокс. Из него выплыл чёрный пистолет странного вида.

— Это Гаусс — на лице мужчины промелькнула идиотская улыбка ребёнка, заполучившего опасную игрушку, — почти без отдачи. Для невесомости самое то!

— Это мой брат, идиот!

— Твой брат убил Жанну, а теперь хочет убить нас.

— Мы не знаем, убийца он или нет!

— Ага, а этот цирк он устроил, чтобы нас разыграть! Маша... я постараюсь не причинить вреда, если ты сможешь. Но я должен иметь запасной вариант...

По крайней мере, он перестал улыбаться.

Над головами затрещали динамики громкой связи, отчего оба дёрнулись и разлетелись в разные стороны. Слишком мало тренировок в невесомости, подумала Мария. Мы не готовились к такому. Треск повторился. Затем Юра заговорил.

— Я вас вижу и слышу, система безопасности у кораблика что надо. Гек, пистолет не поможет, брось. Грузовой отсек, кают-компания, несколько технических отсеков, — это всё, что я вам оставил. Остальные замки ты не сломаешь, я включил аварийную блокировку.

Гектор насупившись слушал, массируя плечо, которым ударился о стеллаж. Пистолет плавал рядом, как чёрная смертоносная рыба. Мария попыталась вспомнить, видела ли когда-нибудь этот пистолет, или Гектора, тренирующимся стрелять. Похоже, что нет, этот предмет впервые появился в их жизни. Может Гек тренировался на Нибиру? Она не знала.

— Синтезаторы пищи и воды в кают-компании работают, туалет тоже. Вам ничего не угрожает, отдыхайте. А я подумаю, как с вами поступить.

— Юра, что ты задумал? — Мария чувствовала, как пробежавшая между ней и братом трещина превращается в пропасть. В бездну.

— Я... — брат запнулся и замолчал на секунду, — после... Жанны я решил взять всё в свои руки. Так нельзя. Хватит! Какое право мы имеем указывать ящерам, как жить, если сами по-прежнему дикари?

Гектор и Мария не отвечали. Слушали. Никогда ещё в голосе Юры не было столько боли и надлома, словно внутри лопнул гигантский нарыв, и накопленная годами боль вышла наружу.

— Терраформирование Марса? Провалено. Озоновый слой — шиш! Кометы об поверхность? Грохали. А плотность атмосферы не повысилась. Разогреть — годы идут, результата нет!

— Эй, погоди! — возмутился Гектор, — это не пирожок в печке разогреть! Это процесс! Если нагрев ядра в самом деле усилит магнитное поле, дело в шляпе! Время нужно. Да и куда спешить? Это тебе всё и сразу подавай: и температуру, и атмосферу, и рептилоидов в космосе!

— Зато тебе хочется оставить их в бензиновой эпохе! Такие, как ты, просто боятся, что когда ящеры выйдут в космос, вам станет нечем гордиться! Двести лет летаем на одной и той же технологии, никаких прорывов. Предел!

— Если я перестраховщик, зачем прикрыл твой зад, когда ты передал ящерам технологии кремниевых процессоров? Ради тебя рискнул, остопоп!

— Да ты свою карьеру прикрывал, руководитель! А я думаю о том, что наш предел для Нибиру не существует. Их учёные могут превзойти нас!

— Поэтому мы и не хотели давать им технологии. Чтобы ящеры не шли нашей дорогой, а проложили свою! — Гектор вышел из себя и взмахнул руками, опять забыв про невесомость. Отчего сначала комично опустился на пол, а затем подскочил до потолка, ударившись затылком.

Забывтый пистолет дрейфовал между стеллажами. Мария вздохнула: сколько таких разговоров уже было. И здесь, и в Ассамблее. Но сейчас это было совершенно неуместно и нелепо.

— И мы бы не дали им, Юра, ни хрена, ни чертёжика! Вот только сами по себе ящерицы додумались лишь до деления атомов и мировой войны на уничтожение. Если бы мы не подыграли относительно вменяемым папуасам, всему конец!

Юра замолчал. Мария слышала, как он тяжело дышит в микрофон. Затем Юра заговорил

снова, и это был уже не яростный спорщик, а усталый мужчина, делающий мучительный выбор.

— Ты прав, Гек. Я торопыга. Но лучше торопиться, чем ждать. Я больше не верю в благие намерения людей. Ты хотел помешать запуску спутников. Чему помешают твои сменщики?

Мария поплыла вдоль рядов: у неё появилась интересная идея. На складе есть образцы всех соединений, найденных на Нибиру. Значит и образцы местных кислот. Если взять их, и раздобыть медную и цинковую проволоку, можно замкнуть цепь и запитать... что-нибудь. Перепробовать один из сложных замков? Гектор умный, он придумает, как это использовать.

— Я не знаю, кто из вас убил мою Жанну...

Мария нашла полку с кислотами. Подарки вулканов, органические соединения, дождевая вода из тропического пояса — полный набор.

— ... и не знаю, как это выяснить. Поэтому я отстраняю вас обоих.

— Что ты несёшь, Юра?!

Крышка отщёлкнулась, но закреплённых пробирок внутри не оказалось. Вместо них в воздух всплыли необработанные куски серебристо-белого камня. Кто-то спутал бирки. Следующий — новая стайка платиновых камней поднялась вверх. Следующий, следующий, следующий... Да тут есть хоть что-то кроме этих проклятых камней?!

Гектор заметил. Тёмные глаза уставились на Марию, как две чёрных дыры. И тут она поняла, что не давало ей покоя: сама ситуация, когда все четверо одновременно оказались на планете недалеко друг от друга, возникла потому, что Гектор составил расписание командировок. Обычно было не так: кто-то оставался на орбите, кто-то присматривал за Юрой. Но не в этот раз. Неужели он? Мария изумлённо посмотрела на мужа. Что же тебя, похотливого мудака, не устраивало?

Ответом были плавающие между ними созвездия белых камней и закушенная губа Гектора. А ведь на последнем совещании Жанна что-то болтала о платине, и потом все эти взгляды... Записи. Должна быть связь...

Юра продолжал говорить, но его не слушали. Мария открыла ещё несколько контейнеров, выпустив косяки платиновых камней на свободу. И в этот момент у Гектора сдали нервы. Он потянулся за пистолетом, но тот был слишком далеко, Гек не достал. Тогда Мария бросила в мужа кусок породы. Булыжник пролетел мимо, а сама женщина врезалась спиной в стеллажи, отброшенная инерцией.

Гектор наконец-то добрался до пистолета и выстрелил. Вылетевшая из магнитного ускорителя пулька ударила в плавающий перед Марией камень, а тот врезался ей в грудь. От удара перехватило дыхание. Рёбра, вроде бы, целые — автоматически отметила она, будто бы это ещё имело значение. Отскочившая пуля заметалась в

замкнутом пространстве. Отброшенный отдачей Гектор выстрелил ещё, и в этот раз попал Марии в живот, её сложило пополам и потащило назад. Адская боль, не сравнимая ни с чем, что было в жизни Марии до этой секунды, внезапно прошла. Вот и болевой шок. Это конец, уже почти конец.

Ещё один выстрел — и снова промах.

Пули отражались от стен, потолка и камней, которые тоже пришли в хаотичное движение, сталкиваясь друг с другом, и со стенами. Крупный булыжник чуть не ударил Гека в лицо, и тот инстинктивно пальнул ещё раз. Промач. Ещё один камень ударил Гектора. Одна из пуль рикошетом вошла в бок Марии. Боль вернулась, сворачивая женщину в тугую жгут. Страшно умирать, подумала она в короткий миг просветления, когда боль ненадолго отступила, и стало можно хотя бы вдохнуть, выпустив изо рта несколько красных шариков. Страшно, но... пора.

Гектор плавал посреди бокса, с глупым выражением лица рассматривая расплывающееся по комбинезону кровавое пятно. Рикошет настиг и его. Крупный кусок руды с острыми краями проплыл мимо его лица, оцарапав губы, которые Мария так любила целовать. Пистолет болтался под потолком, отпущенный на волю ослабевшей рукой.

Какой же ты идиот, подумала Мария. Зачем это всё? Камни, женщины... Эта карусель ни за что не отпустила бы, сколько крови не лей. А вместе с собой ты утащил и меня. Боль лишала сил и рассудка. Но если оттолкнуться кончиками пальцев от полки и дёрнуть ногой, переждать новый спазм, пнуть стену... Между Марией и Гектором раскинулась настоящая вселенная, состоящая из огромных булыжников-солнц и красных солёных шариков-планет. До Гектора оставались световые годы, но настоящие чувства не знают преград. Поэтому Мария смогла. Отпихнула проклятый пистолет, протянула руку и ухватила кусок платиновой руды. Ударила мужа по лицу и потеряла сознание. Удар вышел слабым, её даже почти не отбросило. Поэтому, когда она пришла в себя, зависшей в облаке собственной крови, то сумела ещё раз подплыть к Гектору с камнем в руке. Тот был в сознании и шевелил разбитыми губами. Мария не слышала. Да уже и неважно. Важно успеть ударить ещё раз до того, как всё закончится. Не чтобы убить — чтобы поставить точку в их запутанных отношениях.

Может же мне повезти хотя бы сейчас, спрашивала она себя. Я не прошу многого: пусть боль отступит, и я ударю ещё. Хоть раз! Пусть я успею! Пусть!

И она успела.

Разговор с богом

Когда Мария открыла глаза, то ликовала целых пять или даже шесть ударов сердца. А после воспоминания придавили к койке сильнее силы тяжести. Она не узнала помещение: это не «Искатель», и не стандартная земная палата. Всё грубое, примитивное. Однако приборы знакомые, с «Искателя». Окон нет, потолок нависает. Ответ пришёл сам собой: в дверном проёме показалась и скрылась голова ящера. Нибиру? Интересно.

В палату вошёл, пригибаясь в дверях, Юра.

— Рад, что ты жива, Машка.

У женщины пересохло горло и защипало в глазах, поэтому она лишь кивнула.

— Идея обучить рептилоидов нашей анатомии спасла тебе жизнь.

— А Гектор? — слова с трудом продавливались наружу.

— Мёртв. Да и пёс с ним. Он убил мою Жанну.

— Из-за платины?

— Наверняка. Она узнала и хотела использовать это... Да не смотри ты так! Мы все читали, помнишь?

Мария хотела заплакать, но глаза остались сухими. Ещё не время. Соберись, девочка. Ещё не время. Сначала разберёмся, что происходит.

— Юра, вот это всё, — она обвела взглядом палату, хотя подразумевала нечто большее,

— это же не экспромт. Ты давно... с ними?

— Да. Я давно понял: если хочу помочь Нибиру, нужно не запросы на Землю отправлять, а брать и делать.

— И что будет дальше? — её худшие подозрения начинали сбываться.

— Миссия продолжится. Моя миссия. Если хочешь, возвращайся к исследованиям, они нужны Нибиру. Или оставайся почётной пленницей. Только не мешай!

— Чего ты хочешь?

— Защитить Нибиру от людей. Тоже мне, благодетели! В собственных семьях порядок навести не можем, наука в тупике, зато с контрабандой платины полный порядок! Оттуда и финансирование, и понятно, чем наши сменщики займутся. Жаль, я не сразу во всём разобрался и многого не успел. Но теперь хренушки им всем! Я перепрограммировал маяк, так что «Искатель-35» ждёт тёплый приём прямо на Нибиру. Он затонет в океане. Так рептилоиды получают новые технологии для изучения.

— Юра, ты... с ума сошёл?

— А что такого? Я всё продумал: в Ассамблее испугаются пропажи двух «Искателей» подряд. Пошлют беспилотного разведчика, а я его собью.

— Юрка, ты вообще слышишь себя?

— ...когда разведчик не выйдет на связь, Земля возьмёт паузу. Этого мне и надо.

Немного форы, и я выведу ящеров к звёздам. Вот и вся миссия на ближайшие пятьдесят лет.

— Не верю, что ты пойдёшь на убийства и заложишь фундамент космической войны.

Давай просто поговорим через неделю, ладно? Не спеши.

— Я всю жизнь прожил в разочаровании, Маша. Ничего не происходит, кругом преграды. А когда Жанны не стало, я словно в невесомости очутился. Никаких больше барьеров. Никого не жалко. Всё можно. И всё получится, вот увидишь!

Кивнув, Юра вышел из палаты. Родной, трогательный в своём идеализме, и смертельно опасный для всех.

Искушение змеи

Восстановление шло долго. Ткани плохо регенерировали, организм ослаб. Если бы не медицинское оборудование с корабля, она бы не выжила вовсе. Дни напролёт Мария лежала и смотрела в нависающий потолок. Ждала, пока тело возьмёт своё, пребывая мыслями среди белой руды и красных шариков. Ждала Юру, но брат не приходил.

Обычно в жилищах рептилоидов жили гигантские светлячки, но в больницу провели электрическое освещение. Лампочки оказались примитивные, с вольфрамовой нитью.

Диссонанс в технологиях, как и в общественном устройстве, объяснялся тем, что нибирийцы развивались иначе. Сильные тела, прекрасное зрение и регенерация оказались серьёзным эволюционным тормозом. Переход к прямохождению затянулся. Колесо изобрели только после развития торговли, а двигатель внутреннего сгорания получил массовое применение лишь в эпоху великих войн. Поэтому над Нибиру летали реактивные истребители, а свет в домах давали насекомые или доисторические приборы вроде свечей и ламп накаливания.

Теперь, когда Гектор умер, вулкан гнева потух. Его сменил океан горя и тёмные тучи предчувствия катастрофы. Ветер сомнений гнал их над тёмной водой. Мария ничего не могла сделать, ничего не могла изменить. Поэтому ждала. Как ждут жертву гигантские пауки Софх, охотящиеся на крупных рептилий, и способные по несколько месяцев проводить в полусне-ожидании жертвы. Фауна Нибиру научила её терпению.

Поначалу персонал больницы старался не отсвечивать. Лишь несколько врачей из бывших учеников Марии следили за её состоянием. Но уже несколько недель спустя к ней в палату стали заглядывать Ка-Нш и другие ящеры. Знакомились, обменивались парой реплик, и ретировались. Это было любопытно, но Мария ничего не выпрашивала, а просто ждала. Ждала и вспоминала.

Да, Жанна уловила самую суть Гектора, хотя так до конца и не поняла, во что вляпалась. Как мотылёк не понимает, что ждёт его на фитиле свечи. Самоуверенная и заносчивая, она считала себя уникальной и неповторимой, но была для Гека лишь одной из многих.

У Гектора никогда не было дяди. Он выдумал эту историю, когда баллотировался в студенческие президенты, и долго смеялся, рассказывая Марии, как водил за нос одноклассников и преподавателей. За долгие годы легенда окаменела настолько, что даже Жанна не распознала подвох. Гектор вообще любил выдумать что-нибудь эдакое, на грани фола, и часто рассказывал Марии, как обвёл вокруг пальца очередного простака или наивную девицу. И она искренне хохотала над недотёпой. Напрасно! Ведь Гек не посвятил её в тёмную историю с платиной, чьи корни уходили куда-то наверх, к ЦУП и даже выше. А когда Мария случайно заглянула за ширму, Гектор без колебаний нажал на курок. Выходит, она такая же дурочка, как и Жанна.

Время шло, здоровье возвращалось. Ка-Нш всё чаще забегал поболтать. Это походило на дежурные визиты вежливости или сбор информации для Юры, но Мария надеялась, что это ещё и попытки заложить фундамент будущих отношений. Если у Юры ничего не получится, они обратятся к ней.

Воспоминания давили сильнее нибирийской гравитации. Прощальный пикник перед стартом экспедиции, когда четверо молодых красивых учёных пили вино на Титане и жадно вглядывались в звёздное небо. Свадебное путешествие на Чёрном море, когда волны шептали и перекатывались, бросая в небо солёные брызги. Мечты о ребёнке, которым так и не довелось сбыться.

Мария дождалась. Однажды в дверном проёме показался ящер. Она сразу узнала Ка-Нш по дёрганной моторике «танцующего хвоста» — память о старой контузии, полученной на какой-то давней войне.

— Многих лет вам, Ка-Нш. Рада видеть вас вновь.

— Ну что вы, Мария, — рептилоид выпрямил спину и поджал передние лапы в знак уважения, — Это для меня честь принимать тёплую госпожу. Я пришёл уверить, что вы в безопасности. Чтобы ни случилось, мы защитим вас.

— Я так долго гощу на вашей планете, что странно, что вы только сейчас решили уверить меня в безопасности. Выкладывайте, что у вас происходит?

Кисточки на ушах трепетали от волнения.

— Великий бог Юрий хочет сделать нас совершенней, а для этого нужно объединить кланы. Юрий расскажет остальным нибирийцам о вас. Хочет, как вы говорите, раскрыть карты.

Мария кивнула.

— С его точки зрения — это разумно. Через год в вашу планету врежется огромный космический корабль, и это не удастся скрыть.

— Вы правы. Скоро он откроется всей планете и предскажет аварию. Так начнётся становление великого бога.

— И что вы думаете, многоуважаемый Ка-Нш?

— Будет война, тёплая госпожа. Как говорят в нашем клане, когда боги заглядывают под камни солнечного народа, те выпускают когти. Так было, так есть. Юрий велик, но другие кланы верят в других богов. Другие кланы обижены на Шиас. Будет война.

— Почему ты называешь Юру богом? Мы не боги.

— Вы прилетели, как торговцы приезжают в дальние поселения. Правила у вас простые: вы даёте что-то, и что-то берёте взамен.

— Например, платину.

Ка-Нш махнул рукой:

— Это неважно. Важно другое. Великий бог Юрий не хочет от нас ничего. Только даёт. Именно поэтому он — Бог.

— Вы сами сказали, что войны не миновать. Он ничего не хочет для себя, но его дары имеют цену.

Рептилоид дёрнулся, тонкий язык пробежался по лицу. Мария жадно вчитывалась в язык его тела, ведь он говорил больше слов.

— А ведь война, к которой вы готовитесь, только начало. Потом прилетят земляне.

— Великий бог Юрий уверен, что справится.

— Вы представляете цену его ошибки, многоуважаемый Ка-Нш? Один пропущенный разведчик и...

— И тёплые господа начнут совещаться...

— ... и тёплые господа разгромят вас. Юра говорил, что у нас нет военного космофлота? Он умный, но многого не понимает. У нас нет военных кораблей, но мы играючи меняем

траектории комет и астероидов. Зачем нам военный флот? Проще грохнуть парочку камней на Нибиру. Юра ввязал вас в опасную игру, не спросив, хотите ли вы этого. — Мы знаем. Многим страшно. Но когда боги дают, нужно брать. Иначе они покарают за бездействие. И потом, как у вас любят говорить, мосты сожжены. Тёплый господин Гектор и тёплая госпожа Жанна мертвы.

— Я жива, Ка-Нш. И... ты же всё сам понимаешь, да, плут? Иначе не пришёл бы сюда. Официально говорю тебе, многоуважаемый: мост не сожжён. А Юра — не бог. Он... Она запнулась.

— Он вылупился из вашего гнезда. Вы чувствуете к нему привязанность?

Вдох. Выдох.

— Да.

— Великий Бог Юрий уверен в своей правоте и не станет слушать даже вас. Именно поэтому он не приходит к вам. Вы понимаете?

— Он разумный человек, Ка-Нш. Просто подберите разумные аргументы, и он примет их. Но если нет... Если нет... Я... понимаю.

Горе душило, сжимало горло в стальной кулак. В груди бушевал яростный океан. Волны гудели и били через край. И, словно в знак благословения, она наконец-то расплакалась. Сильно, взхлёб, заливая солёной водой подушку, привезённую, как и большинство предметов в комнате, с «Искателя». Из дома, погрязшего во лжи и пустых надеждах.

Чем всё заканчивается

Все истории заканчиваются по-разному. Хотя конец, в общем, один. Кто-то растворяется в земле, чтобы прорасти яблоней. Кто-то дышит звёздной пылью через дыру в скафандре. В конечном итоге, все умирают.

Юра не питает иллюзий и не врёт себе. Это катастрофа. Он многое знает, в базах «Искателя-34» хранится целая библиотека, но этого недостаточно. Как адаптировать знания под рептилоидов? Слепо копировать? Значит, у них тоже не получится сверхсветовых скоростей и успешного терраформирования. Осторожно возвращать ростки в правильном направлении? Нет времени. Ни на что нет времени, никто не знает, когда Земля поймёт, что тёплый господин стал великим богом. Лучше считать, что это случится скоро.

А ведь Нибиру ещё не под контролем Шиас. Юра сжимает виски ладонями, вспоминая вчерашнее совещание, на котором Ка-Нш сказал, что они могут проиграть войну. Юра тогда ответил, что скорее умрёт, чем отступит, и не жалеет об этих словах. Лучше погибнуть, чем оставить всё по-старому, когда воры из Ассамблеи грабят Нибиру, как средневековую колонию. Но лучше для кого? Он не спросил рептилоидов, чего те хотят. Никто их никогда не спрашивал.

Юра запутался. Растерялся. Поэтому, когда Юра слышит шум и выстрелы, крики охраны и взрывы, то выдыхает с облегчением. Пусть будет так. Он понимает, и успевает выстрелить несколько раз — даже падший бог не должен сдаваться без боя. Двое ящеров падают на пол, а потом пули превращают Юру в решето, и он погибает.

Здесь могла бы закончиться эта история, если бы не одна простая истина. Когда бог умирает, его место занимает другой.

Холодный бог рептилоидов

— Знаешь, Ка-Нш, когда я поняла, что хочу быть астронавтом, все мысли вращались вокруг планет. Газовые гиганты с тысячелетними ураганами, двойные звёзды с невероятными гравитационными полями, обитатели других миров. А сейчас я думаю о межзвёздном пространстве. Представляешь, там почти ничего нет — горстка атомов, немного света и тёмная материя. Иногда мне кажется, что я и есть тёмная материя, плывущая сквозь пустоту.

— Богиня Мария...

— Ты опять за своё, Ка-Нш? Люди не боги.

— Люди не боги, но ты, Мария, — богиня. Ты сохранила всё, что было у нас, пожертвовав всем, что имела. Именно так поступают боги.

— Ты говоришь «богиня», словно для тебя есть разница между полами.

— Она есть для вас. Я изучил вашу культуру и стараюсь быть внимательным.

— Нам следовало бы поступать так же, Ка-Нш. Как называется Нибиру на твоём языке?

— Шор.

— Что это означает?

— Дом.

— Красиво. Я скучаю по дому, Ка-Нш. По месту, где я была бы нужна, где межзвёздное пространство можно заполнить чем-то значимым. Теплотой, любовью, уважением. Корабль на орбите, дом на Земле — всё не то. Я вообще не представляю, как и куда возвращаться.

— Одна из пословиц Шиас учит: ты обретаешь что-то, только когда потеряешь.

— У вас всё будет хорошо. Я восстановила контроль над «Искателем», поменяла координаты маячка. Космический корабль не врежется в Шор. Вас не накажут за Юру. Всё будет как раньше. Даже платина. Это ужасно, но так устроен мир. Зато экспедициям увеличили финансирование и, значит, мы сможем дать вам больше.

— Если захотите. Богиня Мария улетит, и всё станет совсем по-старому.

— Богиня Мария не улетит. По крайней мере, не так быстро. Мой корабль с платиной отвезёт кто-то из новеньких, а я останусь. Это не по правилам, но в Ассамблее поймут. Совсем по-старому не будет, друг. У вас уже случились прорывы в медицине. А когда прилетит новая экспедиция... мы посмотрим, что ещё можно сделать.

— Наша мудрость учит: накорми однажды всех голодных и до конца жизни будешь засыпать сытым.

— Ка-Нш, запомни главное: я не хочу пинками гнать вас в космос или кроить вашу историю по земным лекалам. Но мой вклад поможет вам повзрослеть чуть быстрее. И начать жить самостоятельно хотя бы немного раньше. Это всё, что я могу вам дать. Но и это немало.

— И ты ещё спрашиваешь, почему я называю тебя богиней? О, Мария!

Шор

В нибирийских джунглях, жарких и влажных, всегда шумно. Насекомые гудят, перелетая с цветка на цветок, приманивают стрёкотом самок. Рептилии всех видов и размеров охотятся на них и друг на друга, многократно замыкая пищевые цепочки. Шелестит ветер в листьях, поют птицы. Это как море, подумала Мария. Никогда не спит и нашёптывает на ухо то, о чём нельзя говорить вслух.

Она сидела в густой траве рядом с Ка-Нш и слушала голос джунглей. Альфа-Центавра зашла за деревья, раскрасив небо в алые тона. Её догоняло далёкое солнце-близнец, почти не влияющее на климат, но заметное даже днём. Где-то неподалёку ошивался красный карлик Проксимы Центавры, любимая звезда Юры.

Вечность назад Мария плакала над телом брата, и ей казалось, что вместе со слезами из глазниц вытекает душа, оставляя пустую остывшую оболочку. Наверное, так и было — сегодня случайное воспоминание о брате не вызвало никаких чувств. Через месяц прилетает «Искатель-35», но и это не беспокоило. Она сделает всё как надо. Как охотится комариный крокодил: большая и неповоротливая рептилия, заманивающая насекомых прямо в пасть.

Она знала, что нужно получить от «Искателя-35» и что можно выбить из Ассамблеи со временем. А забитый платиной космический корабль и её молчание сгладят любые трения. Радости по поводу грядущей встречи с другими людьми она не испытывала, хотя была знакома с несколькими членами новой экспедиции.

А вот что в самом деле радовало Марию, так это возможность сидеть здесь, с Ка-Нш, и смотреть как солнца Нибиру скрываются за горизонтом. Сидеть, слушать пение горбатых скрипачей и прозрачных кузнечиков, смотреть на звёзды и молчать.

У рептилоидов кочевого некогда клана Шиас, которым не раз приходилось страдать от жестокости других кланов, сохранилась удивительно горькая поговорка. Банальная, как и всякая народная мудрость, именно она засела в голове женщины. Пожалуй, именно так стоит закончить эту затянувшуюся историю. Слушайте!

Где мысли твои, там и ты. А где ты, там и дом твой. Не оборачивайся. Не вспоминай. Не возвращайся.